

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

Памятники древности въ Урянхайскомъ краѣ.

Лѣтомъ 1914 года мнѣ довелось пзѣздить Урянхайскій край по разнымъ направлениямъ и, пользуясь этимъ случаемъ, я произвелъ попутно и археологическое обследованіе края.

Разумѣется, говорить о подробномъ и даже приближительно исчерпывающемъ обследованіи не приходится: для этого я располагалъ и слишкомъ малымъ количествомъ времени (одно лѣто) и слишкомъ малыми, только личными, средствами. Тѣмъ не менѣе, мною составлена первая археологическая карта посѣщенныхъ мною частей Урянхая, на которую нанесены не только курганы и городища, но и мѣдныя копи древнихъ, плавильныя печи, каменные фигуры, и отмѣчены мѣстности, гдѣ случались находки предметовъ и гдѣ сохранились остатки древнихъ оросительныхъ работъ.

Для будущихъ изслѣдователей края карта моя должна имѣть значеніе, т. к. археологически-цѣнные памятники встрѣчаются въ немъ зачастую среди пустынь, гдѣ на 70-верстномъ и болѣе разстояніи нѣтъ жилищъ, и мѣстныхъ рабочихъ найти немислимо. Не имѣя возможности возить съ собою постоянныхъ рабочихъ и не зная, гдѣ удастся мнѣ встрѣтить что либо достойное вниманія, я нерѣдко долженъ былъ въ такихъ пустыняхъ оставлять нетронутыми весьма интересныя насыпи.

Географическая карта, на которую я нанесъ археологическія данныя, составлена разными лицами, Кемчикскій же районъ горнымъ инженеромъ Б. М. Порватовымъ, проводившимъ болѣе 6 лѣтъ въ изслѣдованіяхъ горы Урянхая; несмотря на глазомѣрную съемку, карта эта — самая подробная и наиболѣе вѣрная изъ всѣхъ существующихъ картъ.

Успѣшнымъ ходомъ моихъ работъ я весьма обязанъ любезному вни-

манію и широкой помощи Завѣдывающаго Устройствомъ Русскаго Населенія въ краѣ В. К. Габаева и Б. М. Порватова, которымъ приношу за все самую искреннюю благодарность.

I.

Урянхайскій край, занимающій самый центръ Азіи, посѣщали изъ русскихъ гг. Адриановъ, Поповъ, Родевичъ, Грумъ-Гржимайло, Катановъ¹ и др., но посѣщенія ихъ ограничивались только извѣстными частями его, причѣмъ археологія ихъ интересовала мало, и невѣдомымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, край является прежде всего въ археологическомъ отношеніи.

Будто чудовищное наводненіе покрывало когда то все, что можетъ въ немъ окинуть глазъ съ вершинъ хребтовъ, затѣмъ схлынуло и на мѣстѣ моря застыли унылые, желто-бурые острова — остатки размытаго громаднаго плоскогорья.

Къ юго-востоку отъ Таскыла, на 25 верстѣ раскидывается Туранская безводная солончаковая степь, длинной котловиной вѣзавшаяся между каменистыми обнаженными кучами горъ. Только съ сѣверной стороны ихъ, въ ложбинкахъ, тамъ, гдѣ больше задерживается влага, узкими полосками взбираются къ вершинамъ рѣдкіе пихтовые лѣса. Два совершенно иныхъ міра отдѣляетъ другъ отъ друга Таскылъ: одинъ, сѣверный — полный нѣжащихся подъ солнцемъ веселыхъ березовыхъ и черемуховыхъ лѣсовъ, залитый ковромъ высокой травы и душистыхъ цвѣтовъ, звенящій перекличкою птицъ. Другой, южный — опаленная зноемъ безмолвная пустыня, залегшая средя раскаленныхъ горъ. Таковъ и весь Урянхай, за малыми исключеніями: растительность въ немъ ютится лишь вблизи воды. Лѣса однообразны: у рѣкъ всегда тополь, по горамъ почти исключительно лиственница. Тайги — роскошной, полной могучихъ кедровъ, пихтъ, елей и десятковъ другихъ породъ, покрывающихъ живописныя ущелья и склоны Саянскихъ хребтовъ — пѣтъ и помина.

Осадковъ въ краѣ выпадаетъ мало: тучи задерживаются сверкающимъ серебромъ вершинами горныхъ цѣпей, со всѣхъ сторонъ окаймляющихъ Урянхай, и достигающими до 8.000 футовъ высоты. Любопытно соотношеніе количества дождливыхъ дней въ Саянахъ и въ сосѣднемъ Урянхаѣ: но записямъ подрядчика строящейся колесной дороги изъ Григорьевки на

¹ У Н. Ф. Катанова въ «Опытѣ изслѣдованія урянхайскаго языка» (Казань, 1903) на стр. 1369—1524 приведенъ библиографическій указатель съ 1768 г. по 1902 г.

Усь — число ведренныхъ дней за весну, лѣто и осень 1913 года было въ Саянахъ 29, тогда какъ за тотъ же промежутокъ времени въ Урянхаѣ дождь выпалъ всего 4 раза.

Туземное, сойотское населеніе края болѣе чѣмъ приблизительно оффиціальной статистикой исчисляется въ 50.000 чел., что при площади края въ 14.000.000 дес. составитъ по одному человѣку на 280 дес. Такого количества населенія въ наличности нѣтъ несомнѣнно даже при глазомѣрпомъ опредѣленіи, существующее же вымираетъ подѣ влияніемъ водки, луса (80% всѣхъ заболѣваній) и др. болѣзней.

Русскіе люди стали селиться въ краѣ не больше, какъ лѣтъ 40—50 тому назадъ: въ настоящее время значительное число русскихъ поселковъ вытянулось по Малому Енисею и кое-гдѣ на среднемъ теченіи рѣки отъ «виланъ» до Чакуля. Общее количество русскихъ теперь достигаетъ 7.000.

Сойоты сплошь средняго и ниже средняго роста: объѣхавъ весь край и побывавъ на разныхъ туземныхъ празднествахъ, во время которыхъ бываетъ значительное скопленіе народа, я ни разу не встрѣтилъ человѣка, приблизительно равнаго по росту двумъ съ половиной аршинамъ. Внѣшній видъ у сойотовъ китайскій: сапоги, кафтаны, косы — все заимствовано ими у послѣднихъ. По типу различіе между тѣми и другими значительное: китаецъ выше, плотнѣе, скуластѣе и косоглазѣе; сойотъ лицомъ сходенъ съ нашими татарами.

Преданіе, сохранившееся до сихъ поръ между сойотами, говоритъ, что племя ихъ жило когда то на р. Туба (въ предѣлахъ нынѣшняго Минусинскаго уѣзда) и затѣмъ часть его перебралась за Саянскій хребетъ. Любопытно, что сами себя сойоты именуютъ «Туба» и языкъ ихъ близокъ къ тому, которымъ говорятъ оставшіеся до сихъ поръ на прежнихъ мѣстахъ Абаканскіе татары. Полное тожество череповъ тѣхъ и другихъ (круглоголовые) и затѣмъ лингвистическія и бытовыя данныя позволяютъ опредѣленно признать въ сойотахъ вышеназванныхъ татаръ.

Описаніе обычаевъ сойотовъ — до сихъ поръ еще полудикихъ кочевниковъ — не входитъ въ мои задачи: важнымъ для настоящаго изслѣдованія является лишь похоронный обрядъ и потому нѣсколько остановлюсь на немъ.

Погребенія сойоты не знаютъ. Трупъ, одѣтый какъ при жизни, вывозится у нихъ въ уединенное мѣсто на горы или въ степь и оставляется на поверхности земли. Около него втыкается въ землю шесть съ прикрѣпленною къ нему коробкой изъ бересты: въ нее помѣщаютъ грубо слѣпленныя изъ глины священныя фигурки, имѣющія видъ маленькихъ конусовъ; при трупѣ кладутъ трубку и немного мяса или творогу.

Нѣсколько отличны похороны шамановъ. Гдѣ либо подальше отъ дорогъ, на бугрѣ складываются какъ шпалы у дорогъ плахи и на нихъ устраиваютъ изъ вѣтокъ настиль, на который кладутъ умершаго: мертвый шаманъ по понятіямъ сойотовъ не долженъ касаться земли. Около одра смерти располагаютъ всѣ предметы, принадлежавшіе шаману и служившіе ему въ цѣляхъ колдовства: бубень, ножъ, всевозможныя подвѣски съ одежды и т. д. Мелочи складываются въ берестяной туесокъ и никто не осмѣливается прикоснуться къ нимъ и вообще подходить къ страшному мѣсту. Коршуны, вѣчно голодныя собаки и др. звѣри быстро дѣлаютъ свое дѣло: рѣдко, если на третій день остается отъ покойника что либо кромѣ оглоданныхъ костей да рваныхъ ключевъ одежды, разносимыхъ потомъ по степи вѣтромъ.

II.

Въ настоящее время въ долинахъ названныхъ рѣкъ рѣзко обозначаются три уступа террасъ: первая — сравнительно недавніе береговые намывы, покрываемые въ разливы водою, вторая встаетъ надъ уровнемъ воды сажени на двѣ и вся масса ея — рѣчная галька; третья, первобытная, возвышается надъ нею сажень до трехъ и массивъ ея — песокъ со слоемъ суглинка сверху. Такимъ образомъ, періодъ древнѣйшей жизни въ краѣ отмежеванъ отъ средняго геологическимъ путемъ и есть возможность вычислить со значительной точностью время, отдѣляющее насъ отъ мѣстнаго мѣднаго вѣка.

На первичной и вторичной террасахъ въ безпорядкѣ разбросаны курганы и погребенія разныхъ типовъ, но при внимательномъ изученіи напластованій земли, классификація ихъ дѣлается совершенно яснѣе. Древнѣйшіе курганы мѣднаго вѣка — не высокіе, рѣдко имѣющие до сажени въ вышину, находятся только на самой верхней, ближайшей къ горамъ, террасѣ; земляныя насыпи ихъ почти всегда круглыя, при среднихъ поперечникѣ около 30 аршинъ и окружности по подошвѣ около 90 аршинъ. Подошва ихъ обведена иногда цѣпью изъ круглыхъ камней, пудовъ до двухъ вѣсомъ каждый. Иногда кругъ имѣетъ выступы изъ камней же, въ видѣ половинокъ лѣца, размѣрами по кругу въ два аршина и отъ него въ полс — три четверти аршина. Еще рѣже попадаются могилы, обставленныя стоячими высокими глыбами: такихъ, послѣднихъ могилъ, вскрытъ ниѣ возможности не представилось.

Глубина могилъ отъ 6 до 9 аршинъ. На днѣ во всѣхъ находились закрытыя плахами съ неснятой корой квадратныя (отъ 2 на 2 аршина) срубы,

изъ совершенно размякшей и сгнившей лиственницы, а въ нихъ, головами на югъ, лежали на боку и въ согнутомъ положеніи скелеты; въ нѣкоторыхъ могилахъ, лицомъ другъ къ другу, лежало по два скелета; мѣдныя вещи, наконечники стрѣлъ, кинжалы и пр., находились у череповъ и притомъ настолько близко отъ нихъ, что челюсти зачастую оказывались окрашенными зеленой окисью.

Неподалеку отъ такихъ земляныхъ кургановъ почти всегда имѣются вытянутые въ одну прямую линію, перпендикулярную притомъ къ линіи насыпей, слѣды круглыхъ ямъ, расположенныхъ на приблизительно равномъ разстояніи другъ отъ друга. Ямы эти, имѣющія теперь отъ 1 арш. до двухъ въ глубину, мною за недостаткомъ времени и рабочихъ изслѣдованы не были. Раса, захороненная въ описанныхъ курганахъ, рѣзко длинголовая и рослая. Въ числѣ находокъ, сдѣланныхъ мною во время раскопокъ одной изъ такихъ могилъ (близъ д. Знаменки), отмѣчу распиленный пополамъ клыкъ кабарги съ круглымъ ушкомъ въ широкомъ концѣ. Предметы, извлеченные мною изъ описанныхъ могилъ, совершенно однородны съ Минусинскими.

На галечной террасѣ, вторичнаго, позднѣйшаго образованія, запершеюй сверху пескомъ, земляныхъ насыпей не попадаетъ совершенно, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нахожденіи ея подъ водою во времена насыпки земляныхъ кургановъ. Эта терраса стала доступной для жизни только во время появленія въ краѣ новыхъ пришельцевъ и послѣ полного ухода изъ него первонаселенниковъ. Иначе поступить, какъ выселиться, послѣдніе не могли: слишкомъ было мало земли для всѣхъ.

III.

Вопреки свидѣтельству г. Каррутерса, утверждающаго, что «погребальныя могилы» сосредоточены главнымъ образомъ по хребтамъ и возвышенностямъ, весь край, всѣ ущелья и котловины горъ, всѣ долны рѣкъ по вторую террасу включительно покрыты безчисленнымъ количествомъ кургановъ другого типа, вѣрнѣе грудями набросанныхъ другъ на друга камней. Они такъ повсемѣстны въ краѣ, что нанести ихъ на карту значило бы покрыть всю ее ими.

За рѣдкими исключеніями размѣры каменныхъ кургановъ не превышаютъ земляныхъ, въ значительномъ же большинствѣ они меньше ихъ. Всѣ они круглой формы и съ плоскимъ верхомъ; на этомъ верху обозначаются провалы — мѣста захороненій. На бывшихъ берегахъ рѣкъ онѣ

тянутся въ одну, а иногда и въ нѣсколько линій: другія линіями же тянутся у подошвы горъ и среди степей.

По сбросѣ съ нихъ верхнихъ, покровныхъ камней, обнаруживается какъ бы маленькая, почти квадратная ограда, сложенная изъ крупныхъ глыбъ и плитъ, устроенная на нерушенной землѣ; высота ея, несмотря на множество разрытыхъ мною могилъ, нигдѣ не превышала аршина и рѣдко имѣла болѣе сажени въ поперечникѣ. На получавшійся такимъ образомъ дворикъ съ сѣверной стороны вела узенькая, въ проходъ одному человеку, дорожка, обставленная по сторонамъ сходящими на нѣтъ плитами и камнями. Мертвыхъ клали прямо на поверхность земли съ наружной стороны двориковъ, вдоль стѣнъ, какъ въ ячейки изъ камней и заваливали ихъ сверху камнями; клали ихъ на спину, руки вытягивали вдоль тѣла; головы покойниковъ видимо старались защитить выступами камней, но тѣмъ не менѣе огромное большинство череповъ оказывается раздавленными въ куски.

Находки въ этого рода курганахъ, исключительно желѣзныя, свидѣтельствуютъ о кочевомъ образѣ жизни ихъ владѣльцевъ. Ни серповъ, ни заступовъ, ни какихъ другихъ хозяйственныхъ орудій въ такихъ могилахъ мною обнаружено не было. При мужскихъ костякахъ находимы были наконецники разнообразныхъ стрѣлъ, пряжки, ножи, стремена, острія копій и т. п. Въ одномъ погребеніи у бока скелета оказался полуистлѣвшій кожаный колчанъ съ восемью стрѣлами, отдѣланный желѣзными полосками съ мелкой насѣчкой изъ точекъ. Стремена всегда находились у висковъ покойника и клались, видимо, только съ однимъ перекиднымъ ремнемъ (черезсѣдельникъ).

Черепъ всѣ круглоголовые, съ выдавшимися скулами, зачастую съ почти полнымъ отсутствіемъ лба, сильно скошеннаго назадъ и съ рѣзко выпуклыми надбровными дугами; размѣрами костяки, въ общемъ, меньше чѣмъ костяки длинноголовыхъ.

Въ курганахъ встрѣчалось отъ одного до четырехъ погребеній, и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при костякахъ находилось или по парѣ наконечниковъ стрѣлъ, или маленькій односторонній ножъ, не превышавшій въ длину по лезвію двухъ вершковъ, или же удила.

Предметы, найденные мною въ каменныхъ курганахъ, указываютъ на крайнюю бѣдность и дикость кочевавшего здѣсь племени; громадное же количество оставшихся каменныхъ насыпей — указываетъ не на войны, а на многочисленность племени и на долгій періодъ владѣнія имъ краемъ. Последнее подтверждаютъ могилы, принадлежащія по внѣшнимъ признакамъ, по способу захороненія и наконецъ по черепамъ, тому же народу, но содержащія въ себѣ предметы, значительно болѣе древняго производ-

ства, чѣмъ другія. Особенно замѣтно это на пожахъ и стрѣлахъ: типы наконечниковъ послѣднихъ чрезвычайно разнообразны, иногда даже въ одной и той же группѣ кургановъ, но въ одной могилѣ смѣшенія ихъ не наблюдалось мною ни разу; рѣже всѣхъ встрѣчаются узкіе наконечники стрѣлъ, весьма близкіе по типу къ мѣднымъ, и ихъ я считаю старѣйшими изъ желѣзныхъ.

Довольно значительный процентъ каменныхъ насыпей не содержалъ рѣшительно никакихъ погребеній. Въ такихъ могилахъ на внутреннемъ дворикѣ, сложенномъ съ меньшею тщательностью, оказывался подъ камнями какой-либо одинъ желѣзный предметъ — чаще всего удила — чрезвычайно тонкія и, несомнѣнно, не могшія служить для ѣзды; только однажды найдена была кованная изъ желѣза плоская круглая чашка въ два вершка въ діаметрѣ съ двумя дужками-ручками по бокамъ.

Цѣль, для которой набрасывался такой курганъ безъ мертвеца, вѣроятно, религіозная; въ виду находженія ихъ среди погребальныхъ кургановъ и точнаго соблюденія типа ихъ, полагаю, что они являются курганами помпнальными, т. е. устроенными въ память и честь сородича, погябшаго гдѣ-либо вдали отъ своихъ.

Долженъ отмѣтить, что на землѣ, среди камней во всѣхъ курганахъ въ довольно большомъ количествѣ встрѣчались черепа мелкихъ грызуновъ; забиралась-ли въ каменные кучи звѣрки сами и тамъ умирали, клали ли ихъ головки въ могилы нарочно, утверждать не могу, хотя скелеты грызуновъ находимы мною не были.

По разсказамъ проводниковъ два громаднхъ кургана такого же типа, но имѣющіе видъ цѣлыхъ холмовъ, имѣются на правомъ берегу р. Малаго Енисея, ниже впаденія въ него р. Малой Брени. Горы въ этомъ мѣстѣ круто обрываются почти надъ самымъ Енисеемъ и тропка идетъ мимо самыхъ кургановъ.

Около горъ и притомъ исключительно по р. Малому Енисею я пзрѣдка находилъ въ томъ же типѣ могилъ сидячія погребенія. Вырывалась яма, рѣдко превышавшая три четверти аршина въ глубину; земля изъ нея выкидывалась на четыре стороны и оставялась затѣмъ буграми. Мертваго опускали въ яму съ подогнутыми ногами, затѣмъ закрывали могилу расколотыми плахами изъ лиственницы и заваливали все камнями. При косякахъ находимы были наконечники желѣзныхъ стрѣлъ, ножи и удила. Вышина такихъ кургановъ съ сидячими погребеніями не свыше одного аршина; поперечникъ не болѣе семи аршинъ; форма ихъ совершенно та же, что и у описанныхъ выше.

Цѣлые черепа, къ сожалѣнію, въ этихъ могилахъ большая рѣдкость,

т. к. плахи, сгнивъ, обрушивались и камни раздробляли черепа на куски. Форма ихъ — круглая; можетъ быть слишкомъ мало было у меня ихъ остатковъ въ рукахъ, но они произвели на меня впечатлѣніе крайней первобытности.

Древнѣйшіе курганы этого типа находятся опять-таки на первичной террасѣ: чѣмъ ближе къ берегамъ пышнѣшихъ рѣкъ, тѣмъ линія кургановъ обнаруживаютъ все болѣе и болѣе позднія погребенія.

IV.

Четвертый типъ погребеній въ Урвахѣ мною встрѣченъ былъ лишь въ западной части его, именно на вторичной террасѣ въ долинѣ рѣки Кемчика.

Близъ факторіи Иванцкаго, на урочищѣ Садепъ-Терекъ, не доѣзжая версты четырехъ до р. Барлыка, верстахъ въ двухъ отъ горы, одиночнымъ островомъ возвышающейся среди степи на правомъ берегу Кемчика, у самой дороги, открывается обширная площадь, сплошь занятая кладбищемъ съ торчащими изъ земли зеленоватыми и красноватыми сланцевыми плитами. Въ противоположность нашимъ кладбищамъ, плиты не покрываютъ могилу, а служатъ ей какъ бы стѣнами со всѣхъ четырехъ сторонъ, причѣмъ края ихъ выдаются въ среднемъ до полуаршина надъ землею. Холмовъ надъ могилами нѣтъ и слѣда; первое впечатлѣніе таково — будто на полѣ устроено множество открытыхъ гробницъ, готовыхъ къ припятію мертвыхъ.

Ни столбовъ, ни намогильныхъ камней, ни слѣда надписей на кладбищѣ не имѣется. Длина и ширина могилъ по внѣшнему виду одинаковы съ современными; зачастую попадаются парныя могилы и мѣста огороженныя тѣми же плитами для цѣлыхъ семействъ.

Могилъ огороженныхъ красными плитами гораздо менѣе, чѣмъ огороженныхъ зелеными; плиты для послѣднихъ брались изъ близлежащей горы, красныя же добывались изъ горъ по ту сторону бурнаго Кемчика, что, конечно, связано было съ большими затрудненіями и возможно было лишь въ зимнее время. По изслѣдованіи могилъ съ разною окраскою плитъ никакой разницы въ погребенія въ нихъ не оказалось.

Глубина могилъ отъ полутора до двухъ аршинъ; вырывъ на эту глубину яму, въ западной сторонѣ ея дѣлали въ видѣ низкаго грота подкоитъ и въ него, на доскѣ, помѣщали умершаго, ногами на востокъ; мертваго клали на правомъ боку. Затѣмъ подкопъ прикрывали приклоненною доской или

ялнтою и могила затѣмъ засыпалась; когда оставалось до поверхности земли около полуаршина, могилу обставляли плитами, доканчивали затѣмъ засыпку землей и утрамбовывали могилу; что послѣднее имѣло мѣсто, указываетъ полное отсутствіе осадки земли.

На семейныхъ мѣстахъ, въ ногахъ у погребеній взрослыхъ людей, мною бывали находимы погребенія маленькихъ дѣтей, при чемъ ямы для послѣднихъ рылись совсѣмъ мелкія.

Рѣшительно никакихъ находокъ въ могилахъ этого типа не оказывается. Лишь въ одной изъ семейныхъ, подкопъ въ которой не осыпался и сохранился совершенно, около скелета я нашелъ небольшой кусочекъ бамбука. Черепя, пайденные мною, всѣ круглые, но совершенно другого типа, чѣмъ въ каменныхъ курганахъ съ весьма развитою широкою затылочной частью.

Нѣсколько такихъ же могилъ была найдены мною въ той же степи дальше вглубь ея, къ западу отъ второй одиноко стоящей горы.

Всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, ближе къ востоку, стоятъ два каменныхъ изваянія, оба безъ головъ и одно безъ рукъ. Послѣднее изображаетъ грубо сдѣланнаго человѣка, сидящаго со скрещенными ногами; фигура второго наклонена влево и начинается отъ бедръ; лѣвая рука помѣщена на поясѣ. Около фигуръ имѣются осѣды въ землѣ, характерные для могилъ. Имѣютъ ли отношеніе эти фигуры къ обставленнымъ плитами могиламъ, случайно ли ихъ сосѣдство, что за круглые шровалы около статуй — мною обследовано не было. Обращу вниманіе на одинъ курганъ (табл. IV, рис. 1).

Онъ обширенъ, но настолько низокъ, что совершенно почти не замѣтенъ издали; на немъ возвышается могучая, великолѣпно исполненная фигура мужчины, врытая въ землю до пояса; лицо у него тюркскаго типа съ прямымъ носомъ и нѣсколько близко другъ къ другу поставленными небольшими глазами; гладкая спереди прическа сзади переходитъ въ короткую и толстую косу до плечъ; коса идетъ не отъ цучка волосъ на маковкѣ головы какъ у китайцевъ, а сплетена какъ у женщинъ изъ всѣхъ волосъ. Обнаженный до пояса, онъ держитъ передъ собой сосудъ, похожій на наши деревенскіе кубаны для молока (табл. V, рис. 1). Г. Каррутерсъ считаетъ почему то эти ясно видные широкогорлые кувшины за табакерки и такъ ихъ и именуетъ въ трудѣ своемъ. Нельзя согласиться и съ В. В. Радловымъ, считающимъ ихъ за «надгробныя урны» — такихъ урнъ въ краѣ совершенно не употребляли. Ниже рукъ статуи и сзади виденъ узорный поясъ и часть одѣянія. Никакихъ слѣдовъ обставленныхъ плитами могилъ около статуи не имѣется; не имѣется ихъ нигдѣ и въ другихъ такихъ же мѣстахъ, что

вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ статуй на такомъ огромномъ кладбищѣ, какъ описанное выше, даетъ возможность раздѣлять ихъ на двѣ самостоятельныя группы погребеній.

Г. Адриановъ, посѣтившій эту часть Урянхая въ описаніи своей поѣздки (Записки Имп. Русск. Геогр. Общ-ва 1888 г., т. II), именно эту статую называетъ Чингизъ-ханомъ и говоритъ, что она, да и вообще всѣ каменные бабы пользуются у сойотовъ большимъ почетомъ и что послѣдніе украшаютъ ихъ и приносятъ имъ въ жертву обычныя дрянныя и узкія тряпочки. Миѣ, посѣтившему Урянхай черезъ четверть вѣка послѣ него, никакихъ признаковъ уваженія и вниманія къ статуямъ наблюдать не приходилось; не слышалъ я на мѣстѣ и наименованія какой бы то ни было изъ нихъ Чингизомъ. Нѣтъ теперь около нихъ ни тряпочекъ, ни кучъ камней — складываемыхъ обычно сойотами на трудныхъ перевалахъ и знаменующихъ ихъ признательность Инезе — мѣстному духу за благополучный путь. Наоборотъ — двѣ статуи я нашелъ разбитыми и обезглавленными; одну изъ нихъ разбитую на два куска лачно составилъ снова и сфотографировалъ. Головы обѣихъ исчезли безслѣдно.

Указаніе г. Адрианова на обиліе каменныхъ бабъ въ Урянхаѣ — не точно. Обиліе ихъ весьма невелико и врядъ ли мой, приводимый ниже, перечень статуй будетъ вполнѣдствіи значительно пополненъ: я подвергалъ разспросамъ всѣхъ старожилловъ и безусловныхъ знаковокъ края во всѣхъ посѣщенныхъ мною частяхъ его и нигдѣ не доводилось миѣ слышать еще о какихъ либо бабахъ. Между тѣмъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ я получилъ отъ лицъ, жившихъ верстахъ въ двухстахъ отъ нихъ и фактъ этотъ свидѣльствуетъ о безусловномъ знаніи ими края.

Къ сожалѣнію, всѣ статуи находятся въ пустынныхъ мѣстахъ и не только раскопокъ, но и полной очистки ихъ до основанія, мною произведено не было и типъ кургановъ съ каменными статуями на нихъ остался неизслѣдованнымъ.

V.

Каменные статуи встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на лѣвомъ берегу р. Барлыка — фигура женщины. Лачно ея не видѣлъ, но по словамъ сойотовъ она по массивности и выполненію совершенно подъ пару мужской фигурѣ; 2) описанный выше фигуры близь горъ въ степи; 3) къ югу — верстахъ въ двухъ-трехъ отъ факторіи Леонова; статуя типомъ и прическою походить на № 2, но гораздо выше ся и выполнена далеко не такъ художественно; глаза у нея погавлены еще ближе; въ рукахъ держитъ

такой же сосудъ; поясъ почти такой же, но видна статуя до колѣнъ и отъ пояса внизъ идетъ гладкая юбка (табл. V, рис. 2).

4) Приблизительно въ одной верстѣ отъ устья р. Чапагаша (Джепагашъ), на правомъ берегу среди сойотскаго поля имѣется круглая неглубокая яма-провалъ и рядомъ съ нею двѣ невысокія каменные поясные статуи. Въ рукахъ онѣ держатъ передъ собой сосуды подобныя нумерамъ второму и третьему, но все сходство ихъ этимъ и ограничивается (табл. V, рис. 3 и 4). Типъ ихъ лицъ обычно сибирскій; обследованіе этой могилы и вывозъ этихъ двухъ заслуживающихъ вниманія статуй въ музей считаю задачей первостепенной важности.

Всѣ перечисленныя статуи лицомъ обращены на востокъ.

5) Къ югу отъ поселка Шаганаръ стоятъ другъ противъ друга двѣ статуи превосходной работы; обѣ загадочнаго для меня, хотя и похожаго на китайскій, типа, около нихъ маленькія фигуры львовъ (табл. IV, рис. 2).

Ни на Маломъ, ни на Большомъ Енисейхъ ни видѣть, ни слышать о существованіи статуй мнѣ не доводилось; всѣ онѣ, кромѣ № 5, сосредоточены вдоль р. Кемчика; долина послѣдняго вслѣдствіи удобна къ проѣзду на колесахъ и, издревле, должна была служить большою дорогой для тѣхъ, кто приходилъ въ край со стороны нынѣшняго Туркестана.

Каменные могилы заполняютъ и всю Кемчикскую область края; курганы же со статуями и обставленныя плитами могилы вкраплены между ними какъ большая рѣдкость. Камень — сѣрый гранитъ, не мѣстный: горы на далекое разстояніе кругомъ исключительно славцевыя, и откуда былъ добытъ гранитъ для меня осталось невыясненнымъ.

Какъ я уже писалъ выше, курганы со статуями мною вскрыты не были; тѣмъ не менѣе полагаю, что длинноголоваго племени въ нихъ оказаться не можетъ, такъ какъ всѣ курганы этого типа расположены на второй террасѣ (кромѣ № 3, случайно находящагося на скатѣ горы), точнѣе на степи, являющейся обсохшимъ русломъ р. Кемчика.

Мѣстами вся она покрыта какъ бы потоками гальки, еще не затянутой сверху наносами и ясно рисуетъ картину сравнительно не особенно древняго постепеннаго обмелѣнія рѣки и превращеніе ея передъ полнымъ исчезновеніемъ въ протоки и ручьи между мелями.

Степь эта не поемная. Уровень воды въ нынѣшнемъ Кемчикѣ приблизительно сажени на двѣ ниже ея; сила теченія мѣстныхъ рѣкъ приблизительно одинакова, поэтому и время намыва террасъ должно быть то же, что и при-Енисейскихъ. Стало быть въ періодъ длинноголоваго населенія края — при-Кемчикскія степи находились подъ водой и курганы на нихъ могли быть насыпаны лишь въ значительно позднѣйшее время.

VI.

Последнимъ, пятымъ по вышнему виду, типомъ могилъ Урянхай являются могилы съ поставленными на нихъ на разстояніи около сажени, а иногда и большею другъ отъ друга, двумя узкими и высокими, иногда выше роста человѣка, необдѣланными плитами. Если провести между ними прямую линію, она укажетъ на востокъ и западъ.

Иногда могила отмѣчена лишь одной стоячей плитой; каменная насыпь на нихъ обыкновенно отсутствуетъ; верстахъ въ пяти отъ деревни Сосновки (Тюргень тожъ) у мѣдныхъ копей древняго длянголоваго племени мною обнаружена была длинная могила, отмѣченная тремя стояками, вытянутыми съ юга на сѣверъ; отъ стояковъ съ востока на западъ шла невысокая, до полуаршина въ вышину, три аршина въ ширину и 9 въ длину насыпь изъ небольшихъ булыжниковъ (табл. VI, рис. 1). По сбросѣ ихъ на степь, все это мѣсто перерѣзано было по длинѣ канавой въ полъ-аршина шириною; земля оказа лась нерушенной и кромѣ немногихъ осколковъ костей быка и барапа, находившихся въ самомъ верхнемъ слоѣ ея, ничего подъ насыпью не оказалось.

Долженъ оговориться, что обследованіе этой могилы производилось наспѣхъ, такъ какъ наступала ночь и надо было спѣшить отъѣздомъ; при томъ работали люди чуть не впервые взявшіе лопаты въ руки; думаю, что могилы въ томъ мѣстѣ имѣлись и только не были нами обнаружены.

Могилы со стояками на берегахъ рѣкъ мнѣ не встрѣчались ни разу; онѣ немногочисленны и расположены большею частію гдѣ либо высоко на скатахъ горъ и на плоскогорьяхъ. Иногда между стояками навалено нѣсколько плитняныхъ глыбъ, но въ большинствѣ случаевъ ни насыпей, ни углубленій между ними не замѣчается. Могилы этого типа встрѣчались мнѣ только на горахъ, въ особо пустынныхъ и дикихъ мѣстахъ и потому мною обследованы не были.

VII.

Помимо могилъ въ стѣняхъ края часто встрѣчаются геометрическія фигуры, выложенныя по землѣ изъ крупныхъ булыжниковъ фунтовъ отъ десяти и до 2-хъ пудовъ вѣсомъ каждый. Фигуры эти имѣютъ чаще всего видъ небольшихъ круговъ; чѣмъ больше кругъ, тѣмъ крупнѣй огмѣчающіе его камни; послѣдніе расположены по окружности съ промежутками другъ отъ друга отъ четверти до одного аршина. Маленькіе круги въ аршинъ и въ полтора въ діаметрѣ часто встрѣчаются рядомъ съ монгольскими моги-

лами; они не содержат решительно ничего — ни находок, ни следов копки земли и имѣютъ, по моему мнѣнію, значеніе мѣсть для моленій и религіозныхъ обрядовъ для лицъ близкихъ къ умершему.

Такое же значеніе, но для значительнаго числа людей должны имѣть и большіе круги, встрѣчающіеся въ степяхъ всегда на довольно значительномъ разстояніи отъ могилъ. Квадраты изъ камней попадаютъ значительно рѣже круговъ и ясно знаменуютъ какъ бы дворъ, иногда обширный, со входомъ въ него и съ каменнымъ курганомъ посрединѣ. Круги примыкаютъ тогда къ сторонамъ его.

Самая интересная могила этого типа находится въ ущельѣ, выходящемъ къ рѣкѣ Кемчику отъ азбестовыхъ залежей Иващицкаго.

На берегу ручья Ачика (бассейнъ Малаго Еписея) въ устьѣ широкой долины, ведущей къ Рыбному озеру, имѣются курганы трехъ типовъ: каменные, со стояками и земляные. Ближе къ Ачику бросается въ глаза длинная прямая аллея изъ двухъ параллельно другъ другу расположенныхъ линий изъ врытыхъ въ землю невысокихъ камней.

Почти повсемѣстно въ краю имѣются слѣды древнихъ «мочаговъ» — оросительныхъ канавъ, выкопанныхъ руками первобытнаго, длинноголоваго племени. Мочаги идутъ по первичнымъ, старѣйшимъ террасамъ, ближе къ горамъ.

На правомъ берегу Еписея, верстахъ въ трехъ внизъ отъ стролцагося г. Бѣлоцарска, имѣются высѣченные на скалахъ рисунки; другіе рисунки находятся въ долинѣ р. Кемчика, верстахъ въ двухъ отъ заимки Максима Ивановича Бякова. Послѣдніе изображаютъ оленя и джима и обведены красною краской.

На лѣвомъ берегу р. Чакуль, близъ сойотскаго хурэ (ламаитскій монастырь) на скалѣ, на высотѣ приблизительно двухъ саженьъ вырублена небольшая ниша, упоминаемая г. Родевичемъ подъ именемъ «полутемной пещеры» Джурмалъ. На задней стѣнѣ ея превосходно высѣчено изображеніе сидящаго Будды; на наружной стѣнѣ скалы стоятъ охраняющіе Будду два свирѣпаго вида человѣка съ угрожающе поднятыми руками. Горельефы ихъ величиною около аршина. (Табл. VI, рис. 2).

Къ сожалѣнію, всѣ эти изображенія такъ размалеваны китайцами яркими красками и притомъ въ недавніе дни, что судить о степени древности ихъ и типѣ лицъ совершенно нельзя. Возможно, что фигуры тѣлохранителей относились совсѣмъ не къ Буддѣ, а къ чему либо другому, исчезнувшему изъ этой ниши.

Любопытный памятникъ глубокой древности находится въ с. Туранѣ: это громадный, болѣе роста человѣческаго фаллусъ, покрытый слабыми

слѣдами рисунковъ или надписей. Ранѣе онъ возвышался на одномъ изъ крестьянскихъ огородовъ въ сѣверной части села, теперь же стоять въ палсадникѣ мѣстной школы.

VIII.

Самымъ любопытнымъ памятникомъ прошлаго въ краѣ являются сохранившіеся мѣстами донинѣ остатки, пресвосходной когда то, дороги, слывущей среди мѣстнаго населенія и у лицъ, писавшихъ объ Урянхаѣ, подъ названіемъ дороги Чынгизхана.

Верстахъ въ четырехъ-пяти отъ Чакуля (Джакуля) путникъ, направляющійся на Кемчикъ долженъ подняться на возвышенность и ѣхать пустынною степью, имѣющей мѣстами до двадцати верстъ ширины и зажатой среди совершенно обнаженныхъ горъ. Длина пустыни около семидесяти верстъ. Приблизительно посрединѣ ея идетъ, шириною въ обыкновенное шоссе, насыпанная изъ мелкой гальки и словно зацементированная сверху, ровная какъ полотно, дорога Чынгиза. Мѣстами она испорчена и современная дорога проходитъ тогда ниже, вдоль ея насыпи, имѣющей видъ вала. При полномъ отсутствіи сколько нибудь устроенныхъ путей въ краѣ, не имѣющемъ ничего, кромѣ тропъ, пробитыхъ всадниками, дорога эта особенно рѣзко бросается въ глаза путешественнику. У перевала къ р. Кемчику она исчезаетъ; миѣ удалось прослѣдить и другіе еще неизвѣстные до сихъ поръ остатки ея: сохранились они къ югу отъ г. Бѣлоцарска, близко отъ него; затѣмъ видны они у устья р. Элегеста: тамъ остатки дороги тянутся по крайней мѣрѣ верстъ на пятнадцать и надо думать, что она связывала Кемчикъ съ долиною Малаго Енисея.

Возвращаясь изъ Урянхайскаго края на плоту, въ тѣснинѣ Саянскихъ хребтовъ, сжимающихъ своими отвѣсами воды Енисея, я, на далекомъ протяженіи отъ Чакуля, видѣлъ высоко надъ водою, на кручахъ скалъ, изорванные осыпями остатки той же дороги, выводившей, очевидно, въ Минусинскій край. По всему протяженію своему дорога эта, имѣющая нѣсколько сотъ верстъ въ длину и, заслуживающая особеннаго вниманія, мною изслѣдована не была; однако значительныя части ея, видѣнныя мною, заставляютъ думать, что имя Чынгиза приплетено къ ней совершенно напрасно.

Основація къ такому предположенію слѣдующія:

1) Дорога эта проложена по высокимъ мѣстамъ и гдѣ не спускается на площади, названныя мной террасами вторичнаго образованія. Дуги, мѣстами описываемыя ею нынѣ, указываютъ, что удобная для проѣзда, ровная нынѣшняя степь съ ея моголами, по которой дорога могла бы быть

проведена въ прямомъ направленіи, во времена постройки ея находилась еще подъ водою или была во всякомъ случаѣ еще непроѣздною.

2) Прокладка дороги черезъ всю гладкую какъ ладошь, весьма высокую и совершенно сухую теперь Чакуль-Кемчикскую степь, по которой въ любомъ направленіи и въ любое время года можно проѣхать, какъ по лучшей торцовой мостовой — указываетъ, что прихоть какого либо владыки здѣсь не могла имѣть мѣста. Несомнѣнно, устройство дороги, притомъ возвышенной, вызвано было сыростью почвы, что по географическимъ условіямъ степи могло быть никакъ не во времена Чингиза, а въ значительно болѣе ранній періодъ.

3) Въ двухъ мѣстахъ на самомъ полотнѣ Чингизовой дороги въ той же степи устроены каменные древнія могилы. Фактъ этотъ указываетъ, что во времена Чингиза кочевникамъ уже было утрачено представленіе о томъ, что находящаяся въ ихъ владѣніи насыпь есть дорога и опп, давно, не нуждаясь въ ней, устроили въ ней, по своему обычаю, могилы.

IX.

Горныя богатства Урянхай были извѣстны уже въ глубокой древности. Въ весьма многихъ мѣстахъ его имѣются древніе рудники, полузасыпавшіеся обвалами и остатки плавильныхъ печей, окруженные горами шлаковъ. Все это свидѣтельствуетъ о большой промышленной дѣятельности края въ древнія времена.

Изслѣдованіе шлаковъ показало, что руда добывалась мѣдная и находимые въ краѣ мѣдные предметы должны быть мѣстнаго производства; судя по количеству рудниковъ, издѣлія края были, вѣроятно, вывозимы и за его предѣлы.

У подножія хребта Танну-Ола, верстахъ въ пяти на востокъ отъ д. Сосновки, цѣпью около полуверсты въ длину тянутся съ юга на сѣверовостокъ почти рядомъ другъ съ другомъ стоящіе большіе курганы. Самый южный — самый значительный — до двухъ сажень въ высоту и саженей до десяти въ діаметрѣ по подошвѣ; курганы пдутъ къ сѣверу все уменьшаясь и сходятъ почти на нѣтъ. Вытянуты они въ прямую линію; между ними и на бокахъ отвалы изъ крупныхъ камней.

Взойдя на вершину перваго кургана, оказываешься какъ бы на вершинѣ кратера; воронка его идетъ почти до самой земли и пологія стѣнки ея усыяны громадныхъ размѣрами шлаками; тѣ же шлаки горами лежатъ и внѣ этого кургана, содержащаго въ себѣ, по моему предположенію, пла-

вильную печь. Точно такую же картину, но все уменьшаясь въ размѣрахъ по вышинѣ, представляютъ и остальные курганы; внутренность нѣкоторыхъ кажется вымощенной плотно вросшими въ землю крупными камнями, но шлаковые остатки вокругъ нихъ и на нихъ отсутствуютъ.

Эти курганы — остатки шахтъ, вытянувшихся по направленію жилы руды, вѣроятно, все истощавшейся по направленію на сѣверо-востокъ, и послѣдній курганъ — послѣдняя шахта, далѣ, судя по отваламъ, совсѣмъ мало руды, и работы въ этомъ мѣстѣ были брошены окончательно.

Приблизительно въ полуверстѣ съ западной стороны шахтъ ясно замѣтна на стени цѣнь воронкообразныхъ углубленій; каждое изъ нихъ около сажени въ поперечникѣ. Прямая линія ихъ параллельна шахтамъ; ни камней, ни слѣда какихъ либо отваловъ, ни даже выбросовъ земля по краямъ ихъ незамѣтно.

Вокругъ шахтъ во множествѣ пріютились каменные курганы. Мною вскрыто было четыре, но слѣдовъ погребенія ни въ одномъ не оказалось: въ серединѣ одного лежала желѣзная чашка съ двумя ушками, въ двухъ — тонкія удила и въ одномъ стремя съ полукруглымъ упоромъ для ноги.

Какъ шахты, такъ и ямы передъ ними, однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ въ краѣ и требуютъ обстоятельнаго обследованія и изученія. Необходимо вскрыть и всѣ остальные каменные курганы при нихъ, могущіе пролить свѣтъ на отношеніе кочевниковъ къ этому мѣсту и на смыслъ погребенія для отдѣльныхъ неодушевленныхъ предметовъ.

Древніе мѣдные рудники извѣстны мнѣ еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. Между ключемъ Барбары и Истигомомъ; въ полуверстѣ отъ мѣстъ древнихъ работъ на лѣвомъ берегу имѣются ямы.

2. Въ трехъ мѣстахъ по р. Черкакъ (въ переводѣ значитъ — Лопнувшая земля)¹.

3. По р. Малой Шуѣ у горы Ачагъ-тышь (Зубъ старика).

По словамъ охотниковъ-крестьянъ имъ не разъ приходилось наткаться на древніе рудники и въ другихъ мѣстахъ, но точнаго опредѣленія мѣстонахожденій ихъ я не имѣю. По словамъ г. Порватова только въ одномъ Кемчикскомъ районѣ имъ найдено 16 мѣстностей съ богатыми мѣдными залежами.

Остатковъ какихъ либо древнихъ строеній въ краѣ я не встрѣчалъ и, несмотря на постоянные и повсемѣстные опросы старожиловъ, ничего объ нихъ не слышалъ.

¹ Транскрипція урянхайскихъ словъ и выраженій, а также переводъ ихъ въ большинствѣ случаевъ вызываютъ сомнѣнія и не поддаются исправленію. *И. в.*

Глинобитныхъ крѣпостей въ краѣ мнѣ извѣстно три. Одна на островѣ, въ верховьяхъ Малаго Енисея на озерѣ Тери-Норъ, другая вверхъ по р. Джедану, выше ставки Та-хошунскаго района верстъ на пятнадцать въ урочищѣ Буляпъ-Тухай и третья на р. Акъ-Сукъ.

Крѣпостей этихъ я не видалъ и свѣдѣній о первыхъ двухъ не имѣю; третья описана въ донесеніи горнаго десятичника, изслѣдовавшаго Акъ-Сукъ слѣдующимъ образомъ: «Крѣпость расположена въ угрюмой мѣстности, въ каменистомъ и тѣсномъ ущельѣ; крѣпость не велика; рѣка протекаетъ мимо нея по ущелью среди отвѣсныхъ скалъ и даетъ очень крутые повороты. Вышина стѣнъ крѣпости теперь (въ 1912 г.) три аршина; толщина тоже три аршина. Сложена она изъ сланцевъ, на толстомъ слоѣ глины; прежде въ ней были цѣлы небольшія окна, но теперь эта часть верха обрушилась. О происхожденіи крѣпости сойоты ничего не знаютъ». Добавлю, что неподалеку отъ этой крѣпости былъ найдены золотой жезлъ (о немъ см. ниже).

Посѣтить мнѣ удалось лишь четвертую крѣпость и, думается мнѣ, наистарѣйшую изъ нихъ. Находится она верстахъ въ десяти отъ р. Кемчика, на лѣвомъ берегу его въ пустынной Игыгейской степи къ сѣверу отъ азбестовыхъ рудниковъ Иваницкаго. У сойотовъ крѣпость эта слыветъ подъ именемъ «Болгачъ», что значитъ глиняный домъ. О какомъ ибудь глиняномъ домѣ въ дѣйствительности нѣтъ и помниа.

Крѣпость эта — квадратъ въ сто двадцать пять сажень по каждой сторонѣ, обнесенный валомъ изъ смѣся мелкой рѣчной гальки и глины, составляющихъ здѣсь грунтъ. Вышина валовъ около четырехъ аршинъ; впереди нихъ имѣется заплывшій ровъ. Посрединѣ каждой изъ сторонъ видны прорѣзы, свидѣтельствующія о находившихся въ тѣхъ мѣстахъ воротахъ. На обширномъ и совершенно ровномъ полѣ внутри крѣпости не замѣтно ни ямъ, ни слѣдовъ какихъ либо построекъ.

Большой древности, дальше временъ Чингизхана, крѣпость эта, мнѣ кажется, имѣть не можетъ. Мнѣніе свое основываю на слѣдующихъ фактахъ. Осмотръ мѣстности, произведенный мною, обнаружилъ, что крѣпость стоитъ на рѣчномъ намывѣ, имѣющемъ въ настоящее время видъ острова, слегка возвышающемся надъ общимъ уровнемъ степи. Поодаль крѣпости, по обѣ стороны ея съ юга и съ сѣвера пробіраются вдоль степи едва замѣтные теперь ручейки-остатки, судя по влажности и тонкости почвы еще недавнихъ, довольно значительныхъ рѣчекъ; въ половодье, въ особенно сильную воду, обѣ рѣчки должны были сливаться въ одну и разливать, несомнѣнно, покрывалъ собою и островъ, и селиться въ такомъ мѣстѣ было бы неудачно. Наконецъ, скорость теченія рѣкъ Урляхалъ весьма значительна;

мели и острова переносятся ими съ мѣста на мѣсто быстро, а потому и время образоваія данной возвышенности не можетъ быть отнесено къ очень отдаленнымъ.

Въ ущельяхъ вокругъ крѣпости (говорю про южную сторону) разбросано множество каменныхъ могилъ и каменныхъ круговъ; въ одномъ изъ нихъ, въ близкой къ крѣпости мѣстности Перть-Кочехарь (Крутал покатость) кромѣ обычныхъ могилъ возвышается заслуживающій вниманія большой земляной курганъ, одѣтый камнями; на вершинѣ его — легкій провалъ; нѣсколько отступя отъ подошвы курганъ обведенъ кругомъ изъ камней.

У самого устья р. Элегеста, на крайней горѣ лѣваго берега, на самой вершинѣ ея я видѣлъ снизу, отъ займки Губанова, нѣсколько насыпанныхъ изъ камней кургановъ. По словамъ послѣдняго на той горѣ имѣются остатки какихъ то каменныхъ стѣнъ вышиною около аршина; стѣны образуютъ какъ бы квадратъ, имѣющій саженъ до десяти въ поперечникѣ. Посрединѣ его возвышаются замѣченные мною курганы.

X.

Пещерами край весьма не богатъ, хотя долженъ оговориться, что о пещерахъ сойоты говорятъ крайне неохотно и найти проводника къ нимъ изъ ихъ среды не только трудно, но зачастую и невозможно.

Мнѣ извѣстны лишь слѣдующія пещеры.

1. На Маломъ Енисеѣ въ горахъ праваго берега, верстахъ въ пятнадцати отъ поселка Щербаковского. Пещерьъ въ указанныхъ горахъ нѣсколько. Одна изъ нихъ, въ которой я былъ, находится почти на вершинѣ высокой крутой горы; на ровной площадкѣ имѣется схожій съ колодеземъ провалъ саженъ до двухъ въ глубину и изъ него надо проползати подъ низко нависшій пласть известняка (табл. VI, рис. 2). За сводомъ открывается просторный и высокій гротъ, весь заваленный осыпавшимися камнями, потемнѣвшими досками и мусоромъ; среди него я нашелъ челювѣческую челюсть, бычачій рогъ и разрозненныя кости животныхъ. И челюсть и кости происхожденія недавняго; на доскахъ имѣлись слѣды китайской отдѣлки и попали онѣ подъ землю, вѣроятно, во времена китайскаго погрома въ краѣ, имѣвшаго мѣсто въ 1908 г.

2. Другая пещера въ той же окрестности интересаѣе, но отыскать ее мнѣ не удалось. По рассказамъ крестьянъ-охотниковъ и одного межевого чиновника, побывавшихъ въ ней, входъ въ нее выше подошвы скалъ

сажень на семь. Стѣна совершенно отвѣсная и въ разсѣлнѣ ея устроена изъ лиственницы первобытная лѣстница. Пещера имѣетъ видъ ряда то низкихъ, то высокихъ комнатъ и развѣтвляется на корридоры, до конца которыхъ посѣтившіе ее не добирались. Пещера эта почитается у сойотовъ священою. Комнаты ея наполнены ихъ божками, ящичками съ рукописями и увѣшацы узкими и длинными обрывками разноцвѣтнаго тряпья, что всегда дѣлають сойоты у «авы», т. е. священнаго мѣста.

Передъ возведеніемъ въ санъ первосвященника (хамбо-ламы), избранный обязанъ выдержать годовой искусь въ этой пещерѣ; находится онъ долженъ въ ней безотлучно; пищу и питье приносятъ ему сойоты и, если онъ преодолѣетъ мистическій ужасъ, внушаемый ему подземною тьмой и легендами о грозныхъ духахъ горъ, то однимъ этимъ становится въ ряды особо почитаемыхъ лицъ. Такое испытаніе выдерживаютъ весьма немногіе: большинство убѣгаетъ въ весьма скоромъ времени.

3. Противъ поселка Чакуль, на правомъ берегу Енисея, изъ хребтовъ Саянскихъ горъ вытекаетъ р. Серлихъ, по сойотски Имикэмъ, т. е. Козлиная рѣчка. Горы, тѣсно обступившія ее, сплошь состоятъ изъ древнихъ, до-Кембрийскихъ сланцевъ, прорваныхъ мѣстами зеленокаменными породами. Вездѣ вдоль ущелья попадаются каменные могилы; верстахъ же въ двѣнадцати-пятнадцати отъ Енисея, довольно высоко въ полугорѣ, съ западной стороны, имѣется пещера; входъ въ нее преграждаетъ деревянная стѣнка китайскаго стила съ дверью и двумя окошечками по бокамъ. Надъ стѣной громадною глыбой нависаетъ утесъ.

Пещера маленькая; съ правой стороны ея имѣется естественный выступъ вродѣ царь съ покатостью ко входу. На немъ сидитъ, вытянувъ ноги, прикрытый лишь кое гдѣ ключьями истлѣвшей одежды совершенно изсохшее тѣло человѣка; рогъ его сильно оскаленъ, голова запрокинута назадъ, на шеѣ зияетъ огромный разрѣзъ до позвонковъ. По типу мертвецъ несомнѣнный китаецъ, хотя въ окрестностяхъ слыветъ подъ именемъ сойотскаго святого. Слава объ этомъ «невѣдомомъ» мертвецѣ сохнушемъ, здѣсь многіе годы, распространена весьма далеко и рассказы о немъ слышалъ я еще въ Красноярскѣ.

Какой то паяный, а можетъ быть и плутоватый, странникъ нарочно пробрался по трудно проходимымъ горнымъ тропамъ въ эти края изъ Сибири и собрался поселиться въ этой пещерѣ съ мертвецомъ и поставилъ въ ней икону; его выселили и икону убрали. Рассказывалъ мнѣ объ этомъ случаѣ священникъ изъ с. Туранъ.

XI.

Помимо предметовъ, добытыхъ мною изъ могилъ, у мѣстныхъ жителей мною куплено довольно значительное количество древностей, найденныхъ ими случайно. Перечня ихъ приводить не буду, отмѣчу лишь наиболее любопытное.

Въ сѣверной части Урянхая, затѣмъ на Маломъ Енисейѣ и на Кемчикѣ мнѣ попались два каменные ручные жернова, выпахиваемые изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются древнія оросительныя каналы; работа одного превосходна: верхнюю сторону камня покрываютъ высѣченныя, выпуклыя украшенія.

Ножи, топоры, кирки, кипжалы и пр. изъ красной мѣды, совершенно одинаковы съ находимыми въ могилахъ Минусинскаго края; попадаются они рѣшительно во всѣхъ селеніяхъ, расположенныхъ ближе къ горамъ на первичныхъ террасахъ. Желѣзныя стрѣлы всевозможныхъ формъ, перержавѣвшіе ножи и т. п. встрѣчаются повсемѣстно и еще болѣе часто.

Между прочимъ на горѣ Бай-тайга (въ переводѣ Богачъ-гора, долина р. Кемчика), въ пескахъ найдена была превосходной работы желѣзная кольчуга, находящаяся въ настоящее время у меня. На той же Бай-тайгѣ найдено нѣсколько предметовъ мѣдной эпохи.

Какъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе случаются находки чугуновыхъ предметовъ. На р. Уюкѣ, особенно изобилующей курганами, въ песчаной осыпи, на большой глубинѣ былъ найденъ кувшинъ (хранится у меня), имѣющій около шести вершковъ въ вышиину и вѣсѣмъ десять фунтовъ; форма его восточная. У д. Атамаповки въ долинѣ р. Мечегей, протекающей вдоль хребта Танну-Ола, тоже на нѣкоторой глубинѣ, отысканы двѣ небольшихъ шестерни; близъ поселка Никольскаго выкопана небольшая, въ четверть вершка толщиной дощечка неправильной, близкой къ треугольнику формы; на верхней сторонѣ ея имѣются три небольшихъ ушка.— Вотъ всѣ находки изъ чугуна, побывавшія у меня въ рукахъ. Лично я въ раскопкахъ никакихъ чугуновыхъ предметовъ не встрѣчалъ; какихъ либо поселеній въ мѣстахъ находокъ ихъ не было и, оказавшись недавно потерянными да еще на извѣстной глубинѣ онѣ по своей непригодности для кочевого населенія, кромѣ кувшина, не могли.

На одномъ изъ многочисленныхъ бродовъ черезъ р. Купъ-Бежикъ, на называемомъ теперь «Серебрянымъ бродомъ», въ водѣ найденъ былъ серебряный поясъ, жемчуга, кораллы и человѣческія кости.

Другая любопытная пазодка сдѣлана въ той же долинѣ р. Кемчика близъ р. Акъ-Сукъ: отысканъ былъ, какъ увѣрили всѣ видѣвшіе его «зо-

лотой шомпуръ», судя по описаніямъ это былъ покрытый узорами золотой жезлъ.

И кладъ съ брода, и жезлъ были изломаны и проданы на вѣсъ.

Находокъ каменнаго вѣка мнѣ не встрѣчалось совершенно, если не считать д. Уюка, гдѣ мнѣ показали пайденный въ ся окрестностяхъ накопечникъ кремневой стрѣлы палеолитическаго періода.

Къ числу особенно любопытныхъ и рѣдкихъ предметовъ, добытыхъ мною въ смежномъ съ Урянхаемъ Усинскомъ Округѣ, я отношу желѣзный кинжалъ съ узорною рукояткой и бронзовою перемычкой. Кинжалъ типично Минусинско-Урянхайскихъ размѣровъ и формы и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ переходную къ желѣзу эпоху длинноголовая раса еще не была, или во всякомъ случаѣ не вся была вытѣснена изъ края нахлынувшими кочевниками.

Монетъ при раскопкахъ я не встрѣчалъ ни одной; всего при объѣздѣ края мною собрано семь штукъ, исключительно китайскихъ, изъ которыхъ четыре, найденныя при распашкѣ земли крестьянами с. Туранъ, танской династіи и относятся къ началу VII вѣка по Р. Х.; одна къ эпохѣ Ся-Нинъ (1068—1078 г.) (найдена близъ Байкола); одна къ эпохѣ Юань-Фынъ (1078—1086 г.) (найдена близъ Шаганара) и послѣдняя—къ эпохѣ Чунь-Нина (1102—1107 г.) (найдена близъ Шаганара).

XII.

Въ заключеніе подвожу итогъ всему изложенному.

1) Вопреки указаніямъ о. Іакинфа и китайскихъ лѣтописей, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ считать сойотовъ за давносельниковъ края: не подтверждаютъ этого ни данныя быта, ни погребальныя обычаи сойотовъ, ни форма череповъ ихъ, рѣзко отличающаяся отъ курганныхъ, ни находки въ этихъ курганахъ.

2) Колыбель длинноголоваго племени, оставившаго множество кургановъ по всему своему историческому пути съ востока на западъ не Минусинскій край, а Урянхайскій, или, можетъ быть, даже страна на юго-западъ, указываемая, какъ компасомъ, долиной Кемчика.

3) Пустынный и дикій нынѣ Урянхай въ древности не только имѣлъ высокостоявшее, культурное по своему времени населеніе, но и служилъ великимъ путемъ съ далекаго юга на сѣверъ въ Сибирь, о чемъ свидѣлствуютъ остатки великолѣпной дороги, ведшей когда то съ Кемчика черезъ Саяны долиной Енисея. Нынѣ подобная дорога еще только намѣчена прокладкой отъ Грнгорьевки до р. Уса.

4) Урянхайскій край пережилъ нѣсколько смѣнъ народовъ; длинно-головые, культурные первоначальники его были вытѣснены потомъ кругло-головымъ племенемъ за Саяны въ Минусинскій край и, можетъ быть, въ сторону Туркестана. Пришлецы въ свою очередь были вытѣснены пзъ него, а нынѣшніе обитатели его сойоты или Туба лишь недавніе гости въ краѣ, ушедшіе съ родной рѣки подъ давленіемъ Сибирскихъ казаковъ.

5) Китайскаго вліянія на край во времена господства въ немъ длинно-головаго племени не обнаружено. Главной караванной артеріей и центромъ жизни страны служила долина р. Кемчика, наиболѣе богатая находками и памятниками древности; фактъ этотъ указываетъ между прочимъ на то, что главное тяготѣніе страны направлено было не къ Китаю, а западнѣ его, въ сторону восточнаго Туркестана.

С. Р. Минцловъ.

Рис. 1. Курганъ «Чингизъ-хана» въ Барлыцкой степи.

Рис. 2. Статуи въ Чакульской степи.

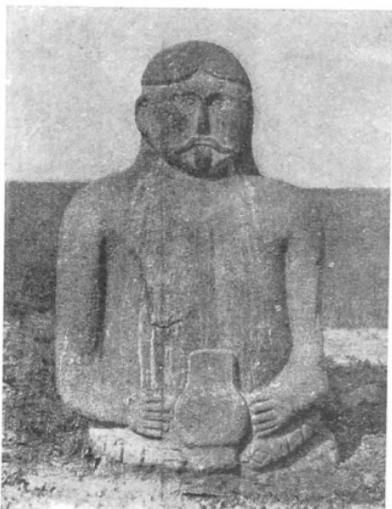

Рис. 1. Статуя «Чингизъ-хана».

Рис. 2. Статуя въ долинь Кемчика.

Рис. 3. Статуя на р. Джеданъ.

Рис. 4. Статуя у устья Джедана.

Рис. 1. Могила со стоякомъ.

Рис. 2. Ниша Джурмалъ на р. Чакулъ (къ стр. 303).